

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I	7
II	24
III	49
IV	70
V	96
VI	118
VII	145

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I	171
II	173
III	184

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I	187
III	256
IV	292
V	339
VI	383
VII	421

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I	474
II	510
III	558
IV	612
V	673
VI	717

Посвящается
Эуклидесу да Кунье — на том свете
и Нелиде Пиньон — на этом

*Всей Бразилией Антихрист
Завладел не в добрый час,
Но Антонио Наставник
Он него избавит нас.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Этот человек был высок ростом и так худ, что, казалось, всегда стоит боком. Кожа туго обтягивала высокие скулы, на смуглом лице ярко горели глаза. Он носил пастушеские сандалии и какой-то балахон лилового цвета, напоминавший одеяния миссионеров, что время от времени наведывались в сертаны¹ окрестить младенцев и обвенчать погрязшие в незаконном сожителстве пары. Никто не знал, сколько ему лет, кто он и откуда родом, но в его неизменном спокойствии, в его простоте, в его невозмутимой серьезности таилась какая-то притягательная сила, привлекавшая к нему людей еще до того, как он начинал свои наставления.

Приходил срок — и вот, с ног до головы покрытый пылью, он появлялся в городке, поселке или деревне: всегда неожиданно, всегда пешком. На вечерней или на утренней заре возникала посреди улицы его высокая фигура: он шагал широко, словно боялся опоздать, обгоняя позвякивавших колокольцами коз, обходя возившихся в пыли собак и ребятишек, которые уступали ему дорогу и с любопытством смотрели вслед, шагал, не отвечая на приветствия женщин — они уже знали его, кланялись и спешили навстречу с кувшинами козьего молока,

¹ Внутренние засушливые районы на северо-востоке Бразилии. — *Здесь и далее прим. перев.*

лепешками и фасолью. Но он не ел и не пил до тех пор, пока, подойдя к церкви, не убедился, что и в этом селении краска на ее стенах облупилась, фасад выщерблен, пол рассохся, алтарь изъеден червями, а в ограде зияют дыры. В такие минуты на лице его появлялось страдальческое выражение, как у того, кто потерял из-за засухи все свое добро, похоронил детей, зарыл околевавшую скотину и теперь, бросив родной дом и отеческие могилы, бежит, бежит, а куда — и сам не знает. Иногда он плакал, и казалось, что черное пламя в его глазах разгорается жарче, рассыпает вокруг искры. Потом он начинал молиться, но не так, как все: распластывался на голой земле, на камнях, на траве, обратившись лицом к алтарю или к тому месту, где когда-то стоял или должен был стоять алтарь, и молился час и другой, молча или вслух, а стоявшие вокруг смотрели на него с почтительным удивлением. Он читал «Верую», «Отче наш», «Богородице», читал и другие молитвы — люди прежде их не слышали, но постепенно запоминали, потому что повторялось это на протяжении многих дней, месяцев, лет. «Где священник? — спрашивал он. — Почему покинул пастырь паству свою?» И отсутствие падре печалило его так же сильно, как и запустение господней обители.

Лишь испросив прощения у Христа за причиненный его дому ущерб, принимал он еду и питье, но и в голодный год, когда подношения были совсем скудными, брал только малую их часть. Порой он соглашался переночевать под крышей, но никогда не ложился в гамак, на топчан или на матрас, а устраивался на полу без подушки и одеяла, подкладывая под угольно-черную косматую голову кулак и засыпал на несколько часов. Спал он мало: ложился последним, а когда самые прилежные пастухи гнали стадо, уже чинил кровлю или стены церкви.

Свои наставления он давал по вечерам, после того как мужчины возвращались с полей, а женщины, уложив детей, управлялись по хозяйству, и происходило это на

каменистом и голом пустыре, куда сходятся улицы поселка. Такие пустыри, будь на них скамейки, сквер или сад, могли бы называться площадью, но здесь, в сертанах, не было ни того, ни другого, ни третьего — где вообще никогда не было, а где не стало после засухи или оттого, что не проявлялось должной заботы. Свои наставления он давал в тот час, когда небо севера Бразилии еще не потемнело, не покрылось звездами, когда между белыми, серыми или синеватыми облаками пламенеет, словно фейерверк на всю вселенную, закат, когда жгут костры, чтобы отогнать москитов и приготовить ужин, когда спадает удушливый зной и налетает легкий ветерок, от которого у человека поднимается дух и появляются силы противостоять болезни, голоду и другим бедствиям.

Он говорил о простом и важном, говорил ни на кого не глядя, и казалось, что его глаза с покрасневшими от солнца белками, пронизывая толпу мужчин, стариков, детей, видят то, что сокрыто от взгляда. Он говорил, и его понимали, ибо смысл его речей был издавна, хотя и смутно, памятен слушающим, впитан с молоком матери. Он говорил о насущном, о неизбежном, о том, что касалось и волновало всех, — о конце света и о Страшном суде, час которого может настать раньше, чем жители перекроют крышу церкви. Каково будет господу нашему увидеть небрежение, в котором содержится дом его? Что скажет он о пастырях недостойных, которые, вместо того чтобы прийти на помощь неимущему, опустошают его карманы, требуя мзды за совершение таинства? Почему они взимают плату за божье слово? Разве не обязаны они нести его людям бескорыстно? Чем оправдаются перед отцом всего сущего нерадивые священнослужители, предающиеся плотскому греху, попирающие обет целомудрия? Неужто в силах они выдумать в свое оправдание такую ложь, которая обманула бы всевышнего? А ведь он видит сокрытое в душе человеческой так же ясно, как

охотник — свежий след ягуара... Он говорил о смерти, которая приведет чистого душой к счастью и вечному ликованию. Разве люди подобны зверям? — спрашивал он. Если нет, то им подобает переступить этот порог, одевшись в свое лучшее платье, чтобы почтить того, кто встретит их. Он говорил о небесах и о преисподней — обиталище Сатаны, где грешнику уготованы жаровни и гремучие змеи. Он говорил о том, что в безобидных на первый взгляд новшествах проявляется бесовский умысел.

Пастухи и пеоны, взволнованные, испуганные, пораженные, слушали его в молчании; и так же ловили его слова рабы и свободные с сахарных заводов на побережье, дети, их матери и отцы. Его серьезность, его уверенный глуховатый голос, его убежденность завораживали, и лишь изредка кто-нибудь осмеливался прервать его, прося разрешить сомнение. Доживет ли мир до начала нового столетия? Наступит ли 1900 год? Он отвечал, не глядя на спросившего, и его спокойная уверенность вселяла еще большую тревогу. Загадочны и темны были его слова. В 1900 году погаснет солнце и дождем прольются звезды, но этому будут предшествовать еще многие необыкновенные события. Он замолкал, и тогда становилось слышно, как в тишине постреливает горящий хворост и трещат попавшие в огонь насекомые, а стоявшие вокруг люди, затаив дыхание, напряженно вслушивались, запоминали его слова, чтобы постичь будущее. В 1896 году тысячи голов скота ринутся на сертаны с побережья, и море станет сушей, а суша — морем. В 1897 году пустыня порастет травой, пастухи и стада перемешаются, сольются: будет одно стадо, один пастух. В 1898 году увеличатся шляпы, уменьшатся головы, а в 1899-м вода в реках покраснеет и новая планета появится над землей.

Нужно быть к этому готовым. Нужно починить церковь, привести в порядок кладбище — самое главное место после божьего храма, преддверие ада и рая. Нужно

отдать оставшееся время спасению души. Что толку заботиться о юбках, платьях и башмаках, о всех этих шелковых и шерстяных роскошествах, которых никогда не носил господь наш?

Все его наставления были практичны и исполнимы, но когда этот человек уходил, люди шептались: он святой, он чудотворец, он, как Моисей, видел в пустыне неопалимую купину, однажды ему было открыто имя господя, недоступное устам, непостижное разуму человеческому. Люди делали так, как он учил. Прежде чем пала Империя и установилась Республика, он побывал во множестве поселков, деревень и городов: в Тукано, Соуре, Ампаро и Помбале; месяц за месяцем, год за годом поднимались из развалин церкви в Бон-Конселью, Жеремоабо, Массакаре и Иньямбупе; на кладбищах в Монте-Санто, Энтре-Риос, Абадии и Барракане появились новые ограды, а в Итапикуру похороны стали торжественным и скорбным празднеством. Месяц за месяцем, год за годом собирались по вечерам жители Алагоиньяса, Уауа, Жакобины, Итабайны, Кампоса, Жеру, Риашана, Лагартто, Симон-Диаса, чтобы получить совет, выслушать наставление. Советы шли на пользу, наставления были во благо, и вот сначала тут, а потом здесь, а под конец по всему Северо-Востоку человека по имени Антонио Висенте, по фамилии Мендес Масиэл стали называть Антонио Наставник.

От посетителей, которые приходят в газету «Журнал де Нотисиас» — эти слова, выведенные готическим шрифтом, красуются над входом, — редакторов и сотрудников отделяет деревянный решетчатый барьер. Газетчиков всего четверо или пятеро: один просматривает приколотые к стене бумаги, двое других, сняв пиджаки, но оставшись в накрахмаленных воротничках и при галстуках, оживленно разговаривают, сидя под календарем, на котором можно прочесть: «2 октября 1896 года, понедельник», а нескладный близорукий юноша в очках

с толстыми стеклами что-то пишет за конторкой гусиным пером, не обращая на окружающих никакого внимания. В глубине комнаты, за стеклянной дверью помещается кабинет главного редактора. У окошка с надписью «Прием платных объявлений» стоит очередь: какая-то дама только что протянула конторщику с зеленым козырьком над глазами листок бумаги, и теперь он, помусолив указательный палец, подсчитывает количество слов в ее объявлении: «Очистительные Джиффони // излечивают гонорею, геморрой, люэс и все болезни мочеполовой сферы // Обращаться к сеньоре А. де Карвальо // ул. Первого марта, 8». Дама расплачивается, получает сдачу и отходит от окошечка, уступая место следующему. Это человек в поношенном темном сюртуке и фетровой шляпе. Вьющиеся рыжеватые волосы закрывают уши. Он выше среднего роста, широк в плечах, плотен, коренаст, крепок. Конторщик водит пальцем по строчкам его объявления, подсчитывая слова, но внезапно морщит лоб, подносит бумагу к самому носу, словно не веря своим глазам. Потом недоуменно смотрит на посетителя, однако тот невозмутим и неподвижен как статуя. Конторщик растерянно моргает и жестом просит подождать, после чего шаркающей походкой пересекает комнату — листок бумаги трепещет в его руке, — стучит костяшками пальцев в стеклянную дверь кабинета и исчезает за ней. Через минуту он появляется на пороге и молча приглашает посетителя войти, а сам снова принимается за работу.

Человек в темном сюртуке, гремя каблуками, как подковами, проходит в кабинет. У входа в этот закуток, заваленный рукописями, газетами, плакатами Прогрессивной республиканской партии — «В Единстве Бразилии — могущество нации!», — его встречает редактор, который смотрит на гостя с веселым любопытством, точно перед ним оказался диковинный заморский зверь. Больше в кабинете никого нет. Редактор молод, у него энергичное смуглое лицо, он одет в серый костюм, на ногах высокие сапоги.